

Книжная комиссия на нескольких допросах пыталась найти хоть какую-нибудь вину Лео. Но ему удалось доказать несостоятельность всех обвинений. Лео сказал, что если бы русский консул сообщил ему, что в полученных тюках «находится нечто предосудительное», то он вместе с Графом собрал бы пакеты снова, чтобы передать их в книжную комиссию. Однако русский консул опередил его своим заявлением. Кроме того, третья часть «Секретных мемуаров» в то время не была на самом деле запрещена. Таким образом, он, Лео, не может признать себя виновным.¹⁰

В конце концов Лео обязали запаковать под наблюдением комиссии имевшиеся в наличии пакеты и отправить их обратно в Базель; при этом даже был предписан маршрут — через Нюрнберг.¹¹ Это означает, что «он должен в Нюрнберге засвидетельствовать высылку книг из саксонских владений и приобщить к делу это свидетельство». Однако в лейпцигских документах такое удостоверение не найдено. 1 февраля 1802 года конфискованные книги были под должным наблюдением запакованы и отправлены обратно. Протоколом об этом факте заканчивается дело.¹²

Из этих материалов, как ни незначительны они, явствует, однако, что книгопродавец Лео заслуживает нашего внимания. Он принадлежал к тем книгопродавцам, которые во всяком случае были близки к демократическим, передовым, может быть, даже к революционным кругам. Он издал в 1794—1795 годах сочинение, которое по тенденции частично перекликается с радищевским «Путешествием», и способствовал сбыту книги Массона, во втором томе которой сообщалось о судьбе Радищева.

¹⁰ Там же, л. 30.

¹¹ Там же, л. 38. Такая практика была обычна в Лейпциге и давала его книжной ярмарке преимущество перед ярмарками в других городах. Иностраный книгопродавец в Лейпциге, даже если он привозил запрещенные в Саксонии книги, не подвергался опасности потерять свое имущество в результате конфискации.

¹² Там же, л. 38 об.